

НАД БЕЛО-РОЗОВЫМ МОРЕМ

Дед спозаранку взобрался на крышу сарая. Высоко сидит, выше цветущих яблонь. Он стар и лыс. В кармане его штормовки маленькие гвозди с большими шляпками. Он достаёт их по пять, зажимает поджатыми губами, держит. Сидит на развёрнутом листе рубероида и снизу смахивает на древнего патриция – волосы на висках всклокочены и торчат лавровым венком над мудрой покойной лысиной. Один такой, похожий, в венке, висит в кабинете истории. Патриций мычит себе под нос песенку «На Волге широкой, на стрелке далёкой...», берёт двумя пальцами гвоздик, прижимает рубероид ребром ладони к крыше. В другой руке молоток. Тюк-тюк-тюк – три удара и гвоздь по шляпку входит в кровлю. Дед разворачивает, продвигает чёрный рулон, сидя перемещается за ним по крутому скату. Тюк-тюк-тюк – и переползает дальше. Ловко у него получается! Внук раскрыл под крышей рот, глядит.

– Что, Борька, в школу? – с гвоздями в губах у деда получается «Фто, Бойка, ф фкоу?»

– Ага...

– Неофота?

– Неохота.

В школу и правда неохота. Но Борька знает, что осталось учиться всего три недельки и терпит. Ещё три недельки и к соседке – бабке Скоковой – привезут на лето Олега, а к Манучихе – Андрюху. Олег придурочный и курит, а Андрюха делает из велосипедных спиц пугачи и умеет ловить на банку карасей. Компания что надо. И у обоих раскладные велики.

– Дед!

– Фто?

– А можно мне тоже на крышу, помогать?

– Я ефё не законфю к твоеу пыиходу. Пыидёф и заазь.

...Нет, «неохота» это не то слово. Такого слова, каким в мае неохота в школу, в четвёртом классе ещё не знают. Борька плетётся с портфелем, а по садам бушует бело-розовое яблонево море. Шкрябает кедами засохшую колдобинами землю, а по деревне орут петухи. В палисаднике напротив магазина бело-розово – клубится черешня, и под ней завелись юные тюльпаны. Гуси пробуют молоденький спорыш, трясут клювами, довольны.

На крыше магазина – коты... В кармане у Борьки рогатка и шпонки. Борька озирается и целит в кота. В наглого, рыжего, который на серого орёт. Долго целит,

не дышит, чтоб руки не ходили. Ещё мгновение и проволочное правосудие припечёт рыжего под самый хвост. Но неожиданно Борьку схватили за ухо. Он взвизгнул, шпонка засвистела в белый свет, а испуганные коты схоронились.

– Ах ты паразит! – новый школьный военрук – старик в майорской форме – ухватил цепко, не вырваться, – Вот, кто в магазине окна бьёт! Ну всё, попался, брат, – военрук вырвал у Борьки оружие и отправил в карман своих брюк с лампасами.

Борька захлюпал:

– Я не по окнам, я кота хотел...

– Кота? Чем это тебе бедный кот насолил?

– Он не насолил... он рыжий, он обижает... орёт на серого...

Седой майор смягчился, немного попустил свою крабовую хватку:

– Так ты что же... получается, заступался за слабого?

– Угу.

– Ну... - военрук будто немного растерялся, - Ну, не знаю. Хорошо б тебя, благородный рыцарь, отвести к родителям, чтоб высекли...

– У меня одна мамка, она в городе живёт.

– А ты?

– А я у дедушки с бабушкой. Они меня не секут.

Старый майор озадачился. Как быть? Налицо хулиганство. Но хулиганство вызвано благородным порывом. Надо бы озорника поучить, но...

Военрук усомнился:

– А ты точно, не по окнам? – глупый вопрос, – Ладно, а кто твой дед?

Борька назвал дедову фамилию.

– А, это... рядом с Манучихой-то? Ну... – майор выпустил благородное ухо, оправил свой китель. Велел передать деду привет и легонько подтолкнул пацана в сторону школы.

Весь учебный день Борька проходил героем! Подумать: пострадал от врага, перенёс пытку – ухо так и горит, светит алым. Враг коварно подкрался, вырвал оружие, но не подорвал боевого духа: геройские руки в карманах, нос выше макушки, пионерский галстук вылез на пиджак – и ладно! Главное ведь всё равно не это. Главное – впереди. И оно – главное – скоро зазвенит жаворонками, затеребит на реке поплавки, загрохочет Андрюхиными пугачами и сведёт скулы земляничной оскоминой. А ещё будет покос – возможно, позволят править конными граблями. Возможно, дед подарит наконец свой ржавый мопед – он давно обещал, ещё зимой. И будут надеты на сучок и зажарены на костре пескари, и плечи обгорят, а потом облезут. И над всем этим будет густо плавать нестерпимый донник...

Весна... Великое беспокойство процветает под небесами, ширится, растёт...

...Борька возвращается домой, суетливо идёт, с подскоком. А где и вовсе вприпрыжку. На изумрудной лужайке выткнули свои мордочки жёлтые одуванчики. Пробивается у свалки горлупа, сочная должна быть нынче. Солнце играет, звенит... Всё звучит, всё вокруг – сплошная мелодия! Даже своя калитка и та поёт по-весеннему.

Дед, как и обещал, по сию пору светит лысиной с высокой крыши сарая. Оттуда, слышно, напевает сквозь зажатые губами гвозди: «...гудка-аби коо-то

вовёт фаход...» Борька переоделся, и к нему на подмогу. Ухватил по пути на грядке молодого щавеля, набил рот, скривился. Карабкается по лестнице, жуёт, морщится.

Рубероид под солнцем размяк, тянется. Борька прорвал дыру на самом верху ската и дед заставил его самостоятельно заделать прореху. И так и этак вертит Борька молоток, и так ухватит гвоздь и этак – всё ерунда получается. Дед посмеивается:

– Что, мастер, помочь?

– Угу. – Борька проводит под носом чёрным от рубероида пальцем и превращается в гусара.

Дед переползает по скату к нему. Тюк-тюк-тюк – готово. Борька смущённо ковыряет ногтем гвоздь. Дед ухватывает гусара за нос:

– Мастер-колесник... старой бабушке ровесник. Эх ты...

Борька шмыгает носом. Хочется поскорее забыть свою неловкость, и он заговаривает о другом:

– Дед, тебе военрук привет передаёт.

– Ну... и ты ему передавай.

– Он что, твой друг?

– Да как тебе сказать... Бежали вместе.

Борька уставился на деда:

– Бежали? Куда?

Дед как будто вдруг изменился, посерьёзней. Сел на коньке, сложил облизанные гвозди обратно в карман, уставился поверх цветущего сада куда-то, будто что-то хочет там разглядеть, что-то... давно бывшее. Но как будто это бывшее там вдалеке за горизонтом, на западе, всё ещё живёт? Не глядя на Борьку, кому-то невидимому кивает подбородком, не сводит с запада пронзительного взгляда:

– Куда бежали-то? Домой бежали. А куда ещё бегут... Меня почти сразу взяли, сразу, в сорок первом. Под Курском. Мы тогда отступали, не оглядывались. Я лейтенанта в штаб отвёз, возвращаюсь один. Из леса выехал, а они уже на опушке, штук десять. Главное, туда ехал, здесь ещё наши стояли, а обратно, вот... «Рус, здавайс!» Не помню, как с мотоцикла слез. Помню только, что куда-то вели, в спину всё время толкали... Помню, рожи у них довольные, сытые...

Дед поперхнулся.

Его глаза будто приклеились к западу. Казалось, он что-то там видит. Лицо патриция, то дрогнет полуулыбкой, то по нему пробегут еле заметные судороги. То, кажется, что он к чему-то прислушивается, пытается что-то разобрать и не может, его лицо поигрывает не то досадой, не то злостью...

– Дед, а бежали-то...

– А? А, бежали... Бежали-то уже после, в сорок пятом, в марте. Я под самой Веной, в деревне на хозяина работал. Нас таких много было, у каждого в деревне прислуга и работники из наших пленных. Когда наши к Австрии подошли, эти нас всех собрали со всего округа, вывезли на полянку. Помню, шофёр, что нас вёз, гражданский. А какой расстреливал, тот, как положено, в полевой форме, правда без погон. Однорукий, старый. Сам уже на ладан дышит. Выстроил нас: «Руссиш

швайн! Тринкин шнапс унд шпилен балалайка!»... Как он одной рукой затвор передёргивал, я не заметил. Главное, тогда ещё подумал: «Как же этот хрен будет одной рукой взводить?» Думал ведь про это, а не заметил. Помню уже, как сейчас вижу, держит этот однорукий автомат, упёр в рёбра, целит по нашей шеренге на уровне сердца и медленно-медленно ведёт. Я выстрелов не слышу, только вижу, как автомат подпрыгивает, гильзы отлетают и с правого края наши тощие начинают валиться. Вот до меня ещё семь человек, вот – шесть, вот уже четыре... Готовлюсь, скоро моя очередь. Вот уже сосед мой дёрнулся, упал. А я думаю, как так, выстрелов не слышно, а они валятся... Тут меня в руку толкнуло, дёрнуло повыше локтя, развернуло, я и скопытился...

Дед снова поперхнулся.

...Лёгкий южный ветерок прилетел, погнал волну по розоватому яблоневому морю. Волна покатила, добежала до сарая и разбилась об угол, пониже кровли.

– Дед, а бежали-то?

– А, это уж после. Я тогда упал, думал что помер. Которые рядом, те – кто сразу затих, кто хрипит, кто скрючился. Немец прошёлся вдоль нас и к шофёру в кабину – прыг, даже борт не закрыли – я-то шурюсь, вижу – и укатили. А я себе думаю: «Если борт не закрыли, значит ещё за кем-то поехали». И точно. Время прошло: которые рядом – коченеют. Тут эти двое, привозят ещё полный кузов таких же тощих. Так же выстроили и так же бесшумно... Один мне на голову свалился, придавил. Кровь из него глаз мне залила, а другим-то в щёлочку я вижу: фрицы борт защёлкнули. Значит на сегодня у них всё. Укатили. Который меня придавил... слышу, сердце сверху мою голову в песок вколачивает: тук-тук, тук-тук. Когда стемнело, я его с себя спихнул, он застонал, глаза приоткрыл. Я его растормошил и поползли к лесу. У него лёгкое оказалось прострелено. Нам с ним всего-то по одной пуле и досталось. Дня два ползли, за лесом нас австрияки подобрали, спрятали в сарае. Мы у них с неделю отлежались и...

Борька раньше видел у деда шрам, повыше локтя. Думал, это от прививки... А это, оказывается, вон от какой прививки. Если прикинуть, до сердца сантиметра четыре не дотянул, промазал однорукий.

– Вот. Бежали... Ползли больше... Ну, а когда до своих доползли, нас опять в сарай, под замок. С неделю всего продержали. Его, этого, раз на допрос вызывали. Меня даже и не допрашивали... Он потом, после войны в Вене дослуживал, в армии остался, а я за Пермью. Недолго правда, три годка дали... дослуживал... Теперь вот он в отставке, зачем-то у нас в деревне хату купил, приветы передаёт. Ну и ты ему от меня привет снеси. Скажи, дед, мол, в гости зовёт... Чего уж теперь-то...

Дед замолчал. Всё так же глядел на запад, но казалось, что те, кого он там наблюдал, уже разошлись и стали ему невидимы – лицо патриция успокоилось. Взгляд с запада начал понемногу приближаться к пахнущей гудроном крыше.

– Н-да... Что-то мы с тобой, брат... это, отвлеклись. А? – дед достал пяток гвоздей:

– Ступай в хату, скажи бабушке, пусть обед собирает, пора вроде.

Борька спустился до половины лестницы и спрыгнул. Когда приземлился, что-то твёрдое вдруг подкатило к горлу изнутри, начало душить. Борька понял, что

он вот-вот разревётся и в хату не пошёл – встал под стрехой переждать. Это твёрдое было похоже на обиду, но не обида – это точно. Обиду-то кто не знает? Твёрдое вот-вот вырвется наружу... И мысли... Дед... Ведь если б однорукий фриц тогда постарался, то и Борьки б теперь не было! Выходит, убил бы однорукий с дедом вместе и Борьку тоже, ещё тогда. И каникулы теперь никому б уже не светили. Но это – ладно, ерунда. Главное – ведь сперва-то, выходит, мамку Борькину убил бы!.. Гадина...

Грудь разрывается, сердце стучит в мозги, кулаки сами сжимаются...

Пацан закусил губу, но понял, что так рёв не удержать и залепил рот обеими ладонями, шумно задышал носом...

...Сад кругом гудит пчёлами. Густо-густо, липко гудит и приторно благоухает. Чернеет за штакетником перепаханный огород – пора картошку сажать, все уж посадили. Борька давится, дышит носом, сопит. Переживает.

А с крыши опять мирно сыплется «тюк-тюк-тюк» и катится, беспечно катится, тихонько, задумчиво над бело-розовым морем:

*На Во-олге широкой,
На стре-елке далёкой
Гудка-ами кого-то зовёт пароход
Под го-ородом Горьким,
Где я-асные зорьки
В рабо-очем посёлке подруга живёт...*

В рабочем посёлке подруга живёт...